

Имманентность в «Бытии и времени»

Кадошников И. А.,

студент 3-го курса философского факультета ГАУГН,

Ivan1998Kadoshnikov@gmail.com

Аннотация: Целью данной статьи является попытка анализа концепта имманентности в известной работе Мартина Хайдеггера «Бытие и время». Несомненно, как мы будем это утверждать на протяжении всей работы, само понятие имманентности, взятое в самом строгом смысле слова, невозможно приложить к философским выкладкам хайдеггерианской философии без того, чтобы тем или иным образом не изменить сами сущностные основания его философии. Однако наш анализ направлен на то, чтобы, не затрагивая этих оснований, проследить возможный путь прояснения тех концептуальных предпосылок, которые могли выявить, пусть и не в эксплицитной форме, внутреннее устройство философского проекта Хайдеггера, или, если быть более точным, тот способ, посредством которого внутри самой текстовой (а, соответственно, и концептуальной, и понятийной) структуры происходит процесс внутреннего генезиса имманентного пространства, выраженный в коррелятивной организации сущностных конститутивов, имеющих определяющее значение как для Хайдеггера, так и для нашего проекта — бытия и сущего.

Ключевые слова: имманентность, Хайдеггер, онтология, «Бытие и время», бытие, сущее, корреляция.

Об имманентности

Понятие имманентность, взятое в строгом смысле, к философии Хайдеггера неприменимо. Даже с учетом того, что в тексте «Бытия и времени», который был выбран нами для рассмотрения, еще нет места множеству прочих великих концептов, в значительной мере расширяющих концептуальный охват хайдеггеровской мысли, пытаться тем или иным образом приноровить имманентность — значило бы поступить кощунственно по отношению и к сути самого текста, и к тем вопросам, которые пытается разрешить сам Хайдеггер. Иными словами, у нас нет определенной цели отмежеваться от устоявшихся моделей в рамках традиционных (и не только) подходов

к анализу философской системы Хайдеггера. В чем же тогда должен заключаться смысл нашей работы, если у нее, казалось бы, нет никаких прав, да и по сути средств на формулировку и выдвижение претензий? Вполне возможно, что это окажется заведомо ложным начинанием, особенно с учетом того, что если наши притязания будут иметь место, то смысл «Бытия и времени» окажется если и не совсем попраным, то как минимум основательно искаженным. Поэтому, повторимся еще раз, у нас нет притязаний на изменение концептуального характера философии Хайдеггера. Что нас интересует, так это сам текст. Точнее, то, каким образом из самой структуры и организации текста возникают, формируются и существуют концепты, имеющие для нас наибольший интерес. И как, самое главное, согласуются они (и согласуются ли вообще) с теми ходами мысли и задачами, которые Хайдеггер пытается наметить в своем уникальном проекте.

Однако для начала оговорим характер философии Хайдеггера, попытаюсь наметить ключевые позиции, которые позволят нам осуществить переход к заданному нами ракурсу (но без претензий на ее концептуальное искажение). Если мы и должны найти концептуально приемлемую формулу для обоснования механизмов функционирования хайдеггеровской философии, или, скорее даже, попробовать подыскать то пространство существования этой философии, то с необходимостью нам придется столкнуться с фактом почти исключительной трансцендентальности¹. Трансцендентальность, правда, в данном случае весьма специфическая — пожалуй, важнейший (и наиболее рискованный) шаг, обозначающий в то же время наивысшее достижение Хайдеггера на пути развития феноменологии, заключается в онтологизации трансцендентальных коррелятов², которые, не утрачивая свойства конститутивных для сознания структур, становятся, скорее, функциональными конститутивами организованного пространства взаимодействия в рамках экзистенциально-онтологического исследования. Это серьезный шаг, который в значительной степени меняет расстановку приоритетов в рамках феноменологических исследований, но непосредственно к этому факту мы обратимся несколько позже.

1 «Всякое размыкание бытия как trans-cendens'a просто есть трансцендентальное познание» (Хайдеггер М. Бытие и время. — С. 38).

2 Или, согласно определению Хабермаса: «трансцендентальной постановке проблемы он придает некий онтологический смысл» (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — С. 91).

Что нас интересует сейчас, так это характер подобного шага, или скорее даже, выпадения вперед — даже если мы примем это как факт гипостазирования сущностных структур (а именно трансцендентальных коррелятов, как структурных оснований нашего рассудка, экстраполированных на выявляемое онтологическое пространство онтологического) относительно некоего субъекта³, мы, как минимум, окажемся перед необходимостью признания этих структур, как если уж и не в полноценном значении объективированных, то такого рода, что не позволяет сомневаться в их почти что актуальной действительности⁴. Даже этот простой факт влечет за собой весомые последствия — для нас само наличие этих конститутивных структур является не условием явленности феномена в рамках репрезентации, но самым основанием явления как такового, вне отношения содержательности нашего сознания.

Однако сам этот факт пока мало приближает к решению заданной нами проблемы — уж скорее нам придется говорить о чистой трансцендентности (именно что «переходе») в ракурсе рассмотрения структурной организованности данных нам коррелятов. Это не совсем так. Если уж мы и говорим о «шаге наружу», то как о факте инстанцирования онтологизированных структур в таком положении, что говорить о трансцендентной «реальности» можно не в порядке гипостазирования, а как о непосредственной, хотя, конечно, и не познаваемой, близости, достижение которой казалось немислимым в рамках феноменологии гуссерлевского толка⁵.

Сразу же сделаем важное замечание: речь не может в принципе идти о познании, неважно какого толка, некой сущности, выраженной как субстантивированный

3 Понятие, взятое в привычном смысле, тоже слабо применимое в рамках хайдеггеровской философии, хотя и постоянно возникающее в тех или иных формах.

4 Что, впрочем, не означает акта их возможной репрезентации — говорить о том, что эти структуры и корреляты могут быть представлены в оформленном и доступном сознанию виде, нельзя.

5 «Вместе с Хайдеггером трансцендентальное становится самой структурой эмпирической субъективности. Именно трансцендентальное становится сущностной структурой... Возможно, что трансцендентальная субъективность в таком случае теряет свою важность» (Делёз Ж. Что такое [об]основывать? Часть 2. [Электронный ресурс]). Эти строки сами по себе имеют огромное значение (а ведь сюда даже не включается не менее важный раздел о Канте и Юме), но, пожалуй, самое важное: «У Хайдеггера же мы, напротив, видим исчезновение различения между трансцендентным и трансцендентальным» (там же). Правда, со следующими строками согласиться сложнее — основывающее и обоснование, хотя и сливаются, не отождествляются до степени неразличения. Именно различение взаимно конституирующих коррелятов бытия и сущего позволяет вести речь о дифференциации, хотя, несомненно, в пространстве взаимной схваченности.

носитель характерных атрибутов или чего-то подобного. Никоим образом — для Хайдеггера все это имеет невероятно малое значение, но вот то, что оказывается в центре внимания, так это возможность концептуального охвата того, что не сводится ни к какой атрибуции или формализации, возможность освоения того, что, казалось, было скрыто за самой «субстанцией», как концептуальный принцип ее организации. В этом аспекте едва ли речь идет о непосредственно данной эмпиричности, уж тем более чего-то, носящего трансцендентный характер⁶. Хайдеггер, напротив, снимает покровы с утвержденного Гуссерлем как раз-таки имманентного пространства сознания⁷, выдвигая свой аналог «субъекта» в непосредственную данность мира. Но поступая таким образом и инстанцируя те фундаментальные структуры, которые будут ответственны за детерминацию процесса конституирования основных содержательных понятий в этом новом положении, само бытие (и даже само его понятие) ничуть не проясняется для нас. Само по себе изменение диспозиции, таким образом, пока мало что нам дает — отход от границ сознания с трансцендентным миром приводит нас к трансцендентальной погруженности в сам мир с трансцендентным бытием как более удаленным концептуальным принципом.

Но, тем не менее, сам этот шаг, столь значимый даже сам по себе, дает нам возможность не гипостазировать функциональное основание за пределы нашего сознания исключительно посредством аналогии и спекуляции, но уже непосредственно находиться в расположении сущностно детерминированных структур, которые дают нам право не только рассматривать феномены в степени их явленности и категориальной схваченности нашим сознанием, но и действительно исследовать их в модусе *eo ipso*, так, как они конституированы в самом пространстве взаимодействия на стыке между трансцендентальными коррелятами и самой трансцендентной «реальностью». Рискованный шаг, позволяющий нам, на самом деле, не только

6 Тем более, как возражает Хайдеггер, эмпиричность факта Дизайн переходит в иного рода структуру, раскрываясь как фактичность, то есть как бытие-в-мире «внутримирного» сущего.

7 «В этом проявляется различие между Гуссерлем и Хайдеггером. Для Хайдеггера моя жизнь — не просто игра, которая в конечном счете ведется в мышлении. Способ моего вовлечения в существование имеет изначальный смысл, несводимый к смыслу, какой нозма имеет для ноззиса» (Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером. — С. 203). И далее: «Интенциональность, в некотором смысле — скорее бытие-вне-мира (*Ausser-der-Welt-sein*), чем бытие-в-мире (*In-der-Welt-sein*) сознания» (там же, с. 205).

наблюдать процесс конституирования смысла, но в полной мере позволяющий существовать в самом пространстве феноменальной явленности⁸.

И все же пока мы находимся в пространстве несомненно трансцендентальном, пусть и в соприкосновении с трансцендентным, которое все еще глубоко от нас запрытано. Тогда к чему столь большой акцент на этом шаге? Потому что он делает самое важное в ракурсе нашего исследования — он очерчивает пространство. Само это понятие не раз возникает в тексте «Бытия и времени»⁹, и для нас оно имеет принципиальное значение, хотя и употребляем мы его в несколько ином значении. Без этого понятия невозможно было бы ухватить все самое значимое в этом тексте. Останься тот же самый вопрос, вопрос о бытии, в рамках традиционно установленных феноменологией границ, что вполне возможно представить, Хайдеггер остался бы замкнутым в узких тисках сознания, его установленных и ясно очерченных структурах, которые, пусть и были бы весьма понятны, легко используемы, а самое главное представляли бы собой удобную и привычную почву субъективных коррелятов сознания, которые западная философия приуговилась использовать ради своего удобства, не оставляли бы возможности произвести этот жизненно важный для Хайдеггера шаг. Полемика с представителями философии жизни, с которыми у Хайдеггера, на первый взгляд, много общего, призвана оттенить именно этот показательный статус нового пространства, которое еще только необходимо освоить — нельзя больше довольствоваться редукцией к субъективным коррелятам нашего сознания или духовной жизни, какой бы характер они не принимали. Свершенный шаг требует новых способов исследования¹⁰, новых понятий, новых структур, но самое главное — внимания к новой логике организации, которая является конститутивной для самого пространства исследования, и вот здесь, возможно, и настает черед говорить об имманентном содержании этой пространственной организованности.

8 «Для Хайдеггера это существование, несомненно, имеет смысл: утверждая смысл существования, не обладающего для него непрозрачностью грубого факта, Хайдеггер остается феноменологом, однако смысл этот утрачивает для него структуру нозмы» (там же, с. 203).

9 Хайдеггер М. Бытие и время. § 22, § 23, § 24 и далее в вопросах, касающихся реальности и доказуемости объективно существующего мира.

10 Интересным образом — при сохранении устоявшихся позиций феноменологической методологии, которая, впрочем, получит новое использование.

Хабермас¹¹ (да и не только он, схожую позицию разделяет и Адорно¹²) считает, что онтологизация трансцендентальных структур была необходима для того, чтобы не только вывести за пределы сознания эти структуры, но и чтобы расширить сферу концептуальной охватываемости нового «трансцендентального субъекта», который ничем ни отличался бы от привычного субъекта Гуссерля, за исключением нового статуса, который позволил бы утвердить смутное положение о конкретности конститутивов и модальностей этого субъекта. Но это не совсем так: навязчивая идея о субъективной центрированности Хайдеггера, чему есть весомые основания, не должна затмевать как раз то новое, что было привнесено онтологизацией — принципиальное отличие между онтологическим и онтическим, не как коррелятами отношения, а как сущностными конститутивами, характеризующими не позицию субъекта, а его положение в пространстве, функциональная организация которого является не гипостазированием, а возможностью освоения — оседлости — для конкретного субъекта в пока еще не неясном горизонте бытия. Сами конститутивы не лишаются своего смыслообразующего потенциала, будучи вынесены за пределы сознания, более того, необходимость именно усвоения смысла новой структуры становится целью этого «субъекта», Дазайн, но критическая позиция в отношении этого хода должна быть направлена не на дезавуирование онтологических структур, а на положение их коррелятивности самому Дазайн. Не субъект, пусть даже и онтологизированный, впервые создает мир, данный ему в рамках его сознания, но сам

11 «В большей степени онтологические конструкции и фигуры мысли нужны для того, чтобы расширить трансцендентальную субъективность, вывести ее за границы сферы когнитивного и «конкретизировать» (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 90).

12 «В опосредовании бытием, как и в опосредовании «Есть», присутствует субъект. Хайдеггер скрывает этот (если угодно, идеалистический) момент и тем самым возвышает субъективность до абсолютного, предшествующего всякому дуализму субъекта и объекта. То, что аналог суждения ведет к субъекту и объекту, не учреждает никакой сферы по ту сторону моментов, которые существовали бы «в себе» (Адорно Т. В. Негативная диалектика. С. 138). Но, при всей правомерности подобной критики, согласиться с ней полностью мы не можем, хотя именно подобна позиция выявляет наиболее интересные моменты. Все же философия Хайдеггера никогда не была, как бы это ни пытались выставить, философией субъекта, который позволял гипостазировать подобное основание, а потому функционал редукции, который вроде должен низвести бытие с его трансцендентного положения, бьет, как нам кажется, мимо цели. Даже если бы речь не шла об исключительно трансцендентном, вопрос заключался бы в ином: как конституируется пространственная организация за пределами имманентных сознанию конститутивов и как форма субъектности получает свою размеченность, не будучи конститутивной. В связи с этим гораздо более интересным будет следующее заявление: «Результатом такого анализа является констелляция этих моментов, а не более высокое и никогда не всеобщее третье (Dritte)» (там же, с. 138), что уже ближе к нашим рассуждениям.

субъект впервые получает свою конститутивную очерченность только в рамках этого мира¹³.

Совершение этого шага является принципиально важным, но требует повышенной осторожности от самого Хайдеггера, которому нужно не нарушить намеченный им баланс, не сваливаясь ни в сторону субъективного, ни в сторону объективного, оставаясь в размеченном положении трансцендентальной коррелятивности. Зато это дает ему пространство для маневра, почву для концептуальной разметки сущностно важных структур в рамках принципиально иного исследования, где феномены не преломляются через призму репрезентации, а функционально детерминируются исключительно через свою непосредственность, в состоянии затаившейся потаенности, которую необходимо открыть. Не сделай Хайдеггер этот шаг, и нам бы пришлось говорить лишь о переносе интенциональной структуры сознания на пока непроявленную почву онтологии, где концептуальная значимость сущностных конститутивов и структур была бы нивелирована тем простым фактом, что они являются лишь подобием, хотя и с претензиями на genuinity, лишь коррелятивным гипостазированием основания без права на существенность. Именно в том и заключается разница, что Хайдеггер не переносит уже устоявшиеся структуры, но открывает новое пространство взаимодействия, с принципиально иной логикой конституирования, в котором нет места привычным категориальным структурам и смыслообразующим коррелятам, но зато есть место намеченным горизонтам, полностью, в исключительно точном смысле слова, существования Дазайн.

Вопрос о феноменологии

Выйдя на рассмотрение темы «чистой трансцендентальности» и вскользь затронув феноменологические основания хайдеггеровской философии, мы не можем обойти стороной рассмотрение этих моментов на более глубоком уровне. Ведь даже несмотря на специфический ракурс, который принимают феноменологические установки в «Бытии и времени», феноменология остается ключевой позицией в хайдеггеровском исследовании, благодаря которой высвечиваются наиболее важные методологические установки¹⁴. При всем этом чистым (или более точно — традиционным) феноменологом Хайдеггера назвать нельзя. Удерживая в голове

13 Впрочем, здесь не нужно делать ошибку и относить этот вопрос к категории избитого противостояния материи/объективного и сознания/субъективного; Хайдеггер не только избегает этой оппозиции, но и решает сам этот вопрос принципиально иным образом.

14 Хайдеггер М. Бытие и время. — С. 34–38.

совершенный выход вовне, нужно понимать значимое отличие: феноменологический метод используется не для раскрытия или анализа имманентного содержания сознания посредством изучения трансцендентальных структур¹⁵, но для выявления — выведения на свет — структур, конституирующих пространство «сочленения» между трансцендентальным функционалом существования и трансцендентным бытием.

Казалось бы, это положение является самоочевидным, исходя из содержания предыдущей главы. Однако из этого проистекает важное следствие, которое не только определит наш дальнейший переход к рассмотрению взаимоотношений между установленным методом и концептуальным характером философии Хайдеггера, но и коренным образом изменит сам ракурс рассмотрения феноменологии. То, что должно было быть непосредственно рассмотрено как феномен, то есть как сам по себе главнейший источник всего анализа «Бытия и времени», не поддается концептуализации в установленных рамках — речь, конечно же, идет о бытии. Интересным образом, в чистой форме бытие никогда не встречается на страницах произведения, хотя, казалось бы, феноменологическая установка должна быть направлена именно на него. И все же само бытие как феномен не появляется, что вызывает ряд вопросов.

В первую очередь, почему же тогда именно феноменология была выбрана как методологическая установка, если же она сама накладывает значимые ограничения на возможный горизонт рассмотрения, не позволяя последовательно очертить необходимый принцип нетождественности бытия и сущего, конститутивно данного в рамках корреляции? Ведь понятно, что само бытие не может быть концепировано в феноменальной форме, а только как имплицитно вытекающий из самого сущего формальный атрибут существования. Но все же Хайдеггер избирает именно этот путь, и неспроста: феноменология как методологическая установка дает невероятное преимущество, позволяя пользоваться трансцендентальными коррелятами, инстанцированными в таком пространстве и таким образом, что возможность функциональной реализации самого исследования «потаянного» бытия становится не

15 Именно здесь коренное отличие на уровне феноменологической методологии — разворачиваясь вокруг одной плоскости трансцендентального, происходит не тотальное изменение структур, но перенос акцентов и, как следствие, концептуального аппарата, конституирующего механизмы исследования, с корреляции между «субъектом» и трансцендентальными коррелятами сознания на коррелятивность между трансцендентальным и «объективным».

только вынесенным, гипостазированным полаганием, но сущностной характеристикой самого акта исследования, для которого бытие является неотчуждаемой основой. И раз уж мы признаем невозможность чистой концептуализации бытия *per se*, то в аспекте его эксплицитной выразимости в рамках онтологически фундированных структур именно феноменология оказывается наиболее действенным орудием, позволяя схватывать бытие если уж и не в чистой форме, то в порядке его конститутивной сопричастности самому функциональному пространству существования, связанного в рамках концептуальной разметки с сущим.

Здесь стоит сделать еще одну ремарку — «Бытие и время» в том плане, который мы представляем, является только предразметкой, наброском будущего проекта, который должен, в теории, привести нас непосредственно к бытию, данному в форме его чистой схваченности, а пока же его задача состоит в том, чтобы пробудить философию от метафизического забвения бытия. Но в ракурсе той задачи, которую ставит Хайдеггер, с учетом той методологии, которую он для себя избрал, а самое главное — проблем, которые он пытается осторожно решить при невозможности концептуализации самого главного «объекта» исследований, происходит интересная смена приоритетов: ракурс сменяется с самого бытия на поиск смысла бытия для сущего в его бытии. Сам ход, продиктованный уже намеченной в самом начале проблемой, позволяет избежать неминуемого, но в то же время заводит Хайдеггера в новые рамки, которые, как кажется, готовят специфическую ловушку для его проекта, ловушку, решение которой намечается, но последовательно до конца не доводится. Намеченная структурность пространства, где встречается бытие и сущее, хоть и не является гипостазированным относительно какой-то формы субъектности, но в определенной мере требует связующего основания, и в таком случае подобную роль играет Дазайн — не совсем субъект, конечно, но в определенной мере структура, которая конституирует схожее понятие, по крайней мере в аспекте функциональной реализации. А отсюда возникает ряд вопросов, которые, как видится, слабо разрешаются в рамках той проективной намеченности, в которую метит Хайдеггер, коль скоро мы и предполагаем, что центральным моментом исследования должен быть анализ имманентных структур, в которых существует Дазайн, но которые не являются в полной мере тождественными субъективным коррелятам сознания¹⁶.

16 И простая «отговорка» об их онтологизации не помогает, если мы не доводим эту позицию до конца — бытие-в-мире является не просто символическим порядком, который можно было бы свести к формальным способам выражения существования, но в полноценном смысле слова

Попытки разрешения проблемы субъект-объектной соотнесенности, которая, несомненно, является наиболее устойчивым моментом критики (где самым очевидным проблемным моментом является возможность редукции к факту простого гипостазирования бытия), мы оставим на дальнейшее рассмотрение. А пока рассмотрим проблемы, касающиеся непосредственно статуса субъекта. Несомненно, феноменологическая установка требует присутствия субъекта как фундаментальной структуры, относительно которой только и может конституироваться горизонт возможного рассмотрения феноменов. Но для Хайдеггера факт конститутивности подобной структуры выявляет ряд проблемных моментов. Сам статус субъекта в хайдеггеровской интерпретации обладает, мягко говоря, специфическим статусом — это и не чистый трансцендентальный субъект Гуссерля, но, с другой стороны, формальная структура, уподобленная традиционному понятию субъекта, явно просвечивает через совокупность тех концептуальных изменений, которые Хайдеггер намечает. Проблема здесь не столько в том, что любое понятие субъекта, даже чисто теоретическое, выраженное как формальный способ определения логической структуры, является угрозой для актуального существования бытия (сам Хайдеггер впоследствии будет утверждать, что Бытию нет дела до того, будут ли о нем знать или нет¹⁷), но в том, что всегда наличествует возможность ложно истолковать как саму структуру Дазайн, так и сам способ эксплицитного выявления пространственных конститутивов его существования — то, что Дазайн не является просто возможностью для гипостазирования бытия, понять нетрудно. Но гораздо важнее избежать опасности его представления как функционального сосредоточения возможностей актуализации бытия, в каких бы модальностях оно не было бы представлено. Динамический акт становления конститутивной очерченности, которой характеризуется само функциональное пространство, мы рассмотрим позднее, сейчас же ограничимся только замечанием, что утверждать непреложную конститутивность или фундированность субъекта нельзя — сам субъект получает свою конститутивную оформленность только через акт пресловутого «трансцендирования», которое становится механизмом его детерминации.

И хотя, с одной стороны, попытка представить Дазайн именно как функциональное основание актуализации бытия, сохранив таким образом устоявшийся конститутив трансцендентальной целостности, является необходимым условием

пространством, в котором существование Дазайн реализуется.

17 См.: Хайдеггер М. Черные тетради 1938–1939. — С. 230.

существования самой целостности феномена бытия-в-мире, которое представляется не просто омертвелой структурой, но тем, что образует каркас мировой явленности, с другой же — субъект, действительно ответственный за выявление смысла конститутивных структур внутри этого феномена, становится не просто конститутивом этой организованности, но претендует на соблазнительную роль властелина, в исключительном владении которого находится сама возможность эксплицирования бытия. Это пока еще не «пастух бытия», но сам этот факт, вполне возможно, налагает тень на весь проект Хайдеггера, и наша задача связана с тем, чтобы не допустить возможного перекоса в сторону субъективного, оставшись на позициях исследования тех конститутивов, которые, будучи даны в их коррелятивной соотнесенности с сущим, являются объектами, требующими возможности реализации исследования принципиально иного рода — без функциональной необходимости редукции до субъективных коррелятов.

Хайдеггер насильно, но вполне справедливо разъединяет бытие и сущее. Но как он сам пользуется этим открытием, онтико-онтологической дифференциацией? Ведь если мы принимаем это положение как сущностный конститутив всей пространственной организации, который функционально очерчивает рамки возможного взаимодействия выявленных структур и горизонтов, который эти структуры детерминируют, то по сути Хайдеггер оказывается в положении неудобного выбора — либо «идеализм» (в странной интерпретации, но все же), где бытие оказывается, в полном соответствии с указанным статусом, исключительно трансцендентным, а сам субъект оказывается проводником этой трансценденции, имеющим исключительный статус, либо — что для Хайдеггера еще более странно и совсем уж неприемлемо — извращенный эмпиризм с фундированным, «материальным» принципом детерминации, полностью укладывающимся в рамки исчерпывающего познания сущего, для которого бытие, укладываясь в устоявшиеся рамки традиционных воззрений, оказывается исключительно имманентным для сущего атрибутом. Разумеется, Хайдеггер стремится занять нейтральную позицию, оказаться в состоянии неопределенного, но все же явного преимущества — феноменология в ее экзистенциальной интерпретации позволяет пользоваться трансцендентальными структурами, не сваливаясь ни в объективную, ни в субъективную грань¹⁸. И все же устранить статус субъекта

18 Хотя сохраняет ли сам Хайдеггер этот баланс — большой вопрос. Несомненно, когда вторая часть «Бытия и времени» переносит акценты с досконального исследования структурной организованности целостного феномена бытия-в-мире, в котором сам Дазайн получает свою

полностью Хайдеггер не может, так как это лишило бы его преимуществ феноменологии, чей методологический аппарат он превращает в орудие концептуального противостояния как метафизики, так и критической философии¹⁹. Но сохраняя статус субъекта, он ставит под опасность саму трансцендентность бытия, единственное средство презервации намеченной дифференциации. Разумеется, отсюда появляется вывод о необходимости рассмотрения смысла бытия, а не самого бытия как такового.

Смысл бытия как объект исследования, как суть единственный феномен, который поддается концептуализации в установленных методологических рамках, при первоначальной непроясненности и неустойчивости собственной позиции, по мере все большей разметки и выявления конститутивных форм структурирования и видимых свойств выявления пространственной организованности, стремится охватить сферу и сущего, и бытия в отчаянной попытке сохранить их разделенность в точке схватывания Дазайн. Но сущность субъекта, который все еще видится обладающим специфическим статусом, требует рассмотрения вопросов субъект-объектной соотнесенности, то есть в отношении того, что в феноменологических рамках принимается как интенциональность. Утвердить подобного рода отношения как конститутив того пространства, которое нами намечается, представляется если и не невозможным, то по крайней мере проблематичным — бытие нельзя объективировать в привычном смысле, а схваченность смысла бытия как функционала возможностей сущего в его бытии предполагает определенную инверсию этих отношений. Не субъект в своем мышлении всегда направлен на объект, но из конститутивно данной объективности только и может раскрыться что-то наподобие субъекта. Это позволяет сохранить функциональную размеченность пространства, но при этом вносит последнюю и, пожалуй, главную не сказать что проблему, но радикальную конститутивную оформленность, на сущностный аспект самого функционального и структурного устройства Дазайн, раскрываемого посредством совокупностей экстатичных модусов временения, появляется отчетливое ощущение возвращения старого трансцендентального субъекта. Несомненно, это не так, благо мы и предполагаем, что сами трансцендентальные корреляты являются не основаниями организации опытной данности субъекта, но конститутивными для пространства взаимодействия структурами, через которые только и получает свою размеченность субъект, но сам факт того, что это пространство интериоризируется, открывает доступ для субъективации, абсолютно неприемлемой для данного исследования.

19 Не сказать, что именно в такой форме это подается Хайдеггером, уж скорее происходит переориентация самого понятия субъективного, но вот то, что Хайдеггер стремится уйти от привычной оппозиции субъект-объект во многих смыслах, можно сказать определенно.

специфичность онтико-онтологического метода исследования — что сущее, что бытие в равной степени могут быть раскрыты как корреляты друг друга, но по отдельности их исследовать невозможно. Проблема действительно специфическая — с одной стороны, исследовать и сущее, и бытие как отдельные феномены, а значит и отдельные связанные с ними пространства, обладающие имманентной им логикой, нельзя. Но с другой стороны, стирая грань между субъективным и объективным, если уж и не устраняя эти понятия вообще, то значительно нивелируя их значимость, перед нами вновь оказывается пространство чистого взаимодействия, несмотря на неразличенность и смутность того, что должно было бы стать его основанием. Впрочем, именно это и является тем преимуществом, которое Хайдеггер активно использует²⁰, и мы тоже не преминем им воспользоваться на пути нашей попытки наметить пространство имманентности.

Методология и Концептуальность

Положение Хайдеггера обладает резко выраженной специфичностью, что, несомненно, идет в купе с его радикальной философской позицией — с одной стороны, это твердая убежденность в методологической точности, которая четко выражает направленность в постановке вопросов, с другой же — нас поджидает смутность и неразличенность основных концептуальных позиций, которые в теории должны конституировать наиболее значимые понятия в структуре его проекта. Это можно легко понять, ведь Хайдеггер собирается говорить о чем-то по определению смутном, затерянном в забвении, и при этом именно эта просвечивающаяся трансценденция должна стать основой детерминации для всего концептуального поля. Но в то же время подобная непроясненность является осознанным шагом, не потому, что, согласно критической позиции некоторых исследователей²¹, Хайдеггер стремится уйти в мистицизм ради сохранения исключительно трансцендентного характера бытия, но именно потому, что в пока неосвоенном пространстве, сущностные конститутивы которого не выявлены, нет места традиционному понятийному и концептуальному аппарату, и Хайдеггер намеревается его создать, но следуя особому пути.

Если традиционно мы полагаем, что к концептуально очерченной и тематизированной области исследований мы формируем свою специфическую

20 Хотя и с иным предназначением — возможное разрушение этой оппозиции позволяет избежать рамок привычной концептуализации, в которых бытие, несомненно, превратилось бы снова в сущее.

21 Адорно Т. В. Негативная Дialeктика. — С. 140

методологию, или же наоборот, исходя из структурной организованности специфически выбранной методологии только и будет намечена концептуальная область розысков²², конститутивная только для этих очерченных рамок, то случай Хайдеггера, как нам видится, принимает другой вид и образ действий. Позиция принципиально иная — методологический аппарат и конститутивная область концептуальных поисков сливаются воедино, образуя единое структурное поле исследований, в которых раскрывается сущностное содержание экзистенциальной философии²³. Этот ход весьма интересный, и следует он из уже намеченной тенденции, идущей параллельно выявленной онтико-онтологической дифференциации — тенденции слияния сущностных структур, конституирующих пространство взаимодействия. Наиболее отчетливо это станет ясно при рассмотрении вопросов, касающихся сущего, а пока сосредоточимся на главном: в каком смысле методология и концептуальность достигают своей неразрывности?

Вспомним начальные строки «Бытия и времени» — само бытие нам неведомо, однако вопрошая о том, что оно есть, мы уже находимся в смутной понятливости этого

22 Это, впрочем, намечает и сам Хайдеггер: «Вообще надо не задаче той или иной предданной дисциплины удовлетворять, но наоборот: из объективных необходимостей определенных вопросов и из способа проработки, требуемого «самими вещами», может в любом случае сформироваться дисциплина» (Хайдеггер М. Бытие и время. С. 27). Тем более интересно, каким образом происходит попытка наметить стратегии, разворачивающие эту позицию в наиболее широком концептуальном поле, но при этом связываясь с конкретными задачами — Хабермас выделяет эти стратегии: 1) трансцендентальная постановка проблемы получает онтологический смысл; 2) феноменология приобретает герменевтическую направленность; 3) аналитика Дазайн, осуществляющаяся и трансцендентально, и герменевтически, соединяется с экзистенциально-философским мотивом (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 91–92).

23 Сам Хайдеггер характеризует это примечательным образом: когда он описывает проблему «порочного круга» (проблему, которой мы еще коснемся), он говорит о «странной «назад- или вперед-соотнесенности» спрошенного к спрашиванию» (Хайдеггер М. Бытие и время. С. 8), что вообще замечательным образом передает сам характер «Бытия и времени» — подобная конститутивная очерченность не предполагает просто концептуальной схемы действий, но становится принципом организации всей пространственности, а также самого акта взаимодействия. И хотя сам Хайдеггер говорит, что «сущее можно определить в его бытии без того, чтобы при этом уже имелась эксплицитная концепция бытия вообще» (там же, с. 6), в действительности именно подобную соотнесенность методологии и концептуальности мы видим на протяжении всей работы (самый характерный пример — позиция по поводу доказуемости объективного мира — пассаж на странице 206 доносит до нас мысль, что сам вопрос уже «запоздалый» — сущее, выдвигая эту предпосылку, всегда уже есть как сущее в мире, хотя сам мир, как целостный феномен, конститутивный в рамках соотнесенности нескольких структур, в свою очередь конституируется только с и через посредство Дазайн).

бытия²⁴. Ход сильный, хотя и весьма хитрый — невозможность должной концептуализации бытия, бич всей метафизики, имплицитно, хотя и в смутной, до-онтологической форме, подразумевает конститутивную предзаданность коррелятивной взаимосвязи между бытием и вопрошающим сущим. Сам характер этой взаимосвязи уже вчерне подразумевает нечто схожее с заданным нами ракурсом разысканий, но сущностно подобная корреляция не достигает нужного эффекта — чуть что, и мы могли бы предполагать просто экстраполяцию гуссерлевской интенциональности, приобретшей статус онтологического конститутива. Дело этим не ограничивается, однако сам факт подобной взаимосвязи уже вызывает сильную заинтересованность — само бытие, как суть гипостазированный конститутив объектной стороны, еще толком не размечено, но благодаря факту установленной взаимосвязи, как трансцендентального/до-онтологического коррелята у нас впервые задается структура субъектности — не как конституирующей структуры, но как конститутивной очерченности гипостазированного основания, функционально скрепляющей основу установленной корреляции. Здесь мы, несомненно, держимся установленного характера трансцендентальной коррелятивности, но сама фигура является более чем интересной для дальнейших поисков слитого пространства имманентности. Будь даже простой линией, фактичность корреляции не удостоверяет нас в устойчивой возможности применения выработанных методологических инструментов нужным нам способом, подобная простая, прямая коррелятивность задает возможность выявления конститутивных структур, которые только гипостазированы как имеющие место быть. Так и фигура субъекта, вызывающая у нас наибольшие опасения как основная угроза нередуцируемости бытия, выявляется тем же образом — иными словами, структурное основание, которое должно быть конститутивным для организации методологической оформленности, само получает право на существование лишь из концептуальной размеченности пространства, которое само, в свою очередь, должно быть схвачено и закреплено посредством надлежащих понятий, сформированных уже посредством методологической базы. Эту связанность корреляции, уже отмеченной нами в связи с рассмотрением проблемы субъект-объектных отношений, мы встретим и в будущем — это вообще излюбленный ход Хайдеггера, но что еще интереснее, свою исключительную форму эта взаимосвязь обретет в известной ремарке по поводу *circulus vitiosus*²⁵.

24 Хайдеггер М. Бытие и время. — С. 5

25 Хайдеггер М. Бытие и время. — С. 7–8.

Фигура круга вообще может стать определяющей, в ракурсе наших исследований, для всего «Бытия и времени» — это одновременно слом традиционной прямолинейной направленности интенциональной взаимосвязи субъект-объектных отношений, это и последующая концептуальная разметка конститутивных оснований сформированного поля исследований — характер очерченности пространства, который сменяет вектор отношений с конститутивных для сознания коррелятов, четко заданных в горизонте схватывания феноменов, на пространство непосредственного взаимодействия, в котором конститутивность структур детерминирована их эксплицитной выявляемостью внутри этого пространства самого по себе. Но самое главное, что здесь выявляется наиболее важный переход — от четко установленной, но, по сути, тавтологичной²⁶ прямолинейно-феноменологической связи мы переходим к кругу как концептуальному основанию пространства сущностной артикуляции, в котором пресловутая связь играет уже иную роль, роль все еще весомую, но интересующую нас меньше — она остается условием презервации трансцендентального характера установленной корреляции, но уже суть сведенной к средству методологической направленности.

Итак, какой смысл это для нас имеет? Хайдеггер, безусловно, весьма справедливо предвосхищает возможные обвинения в незаконном использовании *petitio principii*. И, несомненно, предвосхищение обоснования здесь имеет место быть. Но именно из этого Хайдеггер и извлекает самое грандиозное преимущество своей позиции, оказавшись на месте пересечения всех сущностно необходимых коррелятов, которые перестают быть формальными способами обоснования методологической разметки и переходят в статус концептуальных механизмов конституирования пространства, трансформирующего все возможные способы гипостазирования этой коррелятивной взаимосвязи в различных модальностях в сущностные конститутивы скрепленной взаимосвязи сущего и бытия²⁷.

26 Что здесь особо важно — заданность вопроса как конститутивного коррелята трансцендентальной оформленности сама по себе не предполагает, что для бытия будет найдена необходимая концептуальная форма, которая суть выражала бы избыточный и, самое главное, неправильный смысл, что бытие есть, а значит, есть в каком-либо схватываемом смысле, задача здесь, в смысле чистой трансцендентальности, не притязающей на схватываемость трансцендентного бытия, состоит в том, чтобы задать, пусть и в виде гипостазирования, концептуальные области, которые станут конститутивами пространственной оформленности уже иного толка.

Неспроста «Бытие и время» начинается по сути с вопроса, и неспроста именно это вопрошание остается ведущей формой суждения для экспликации сущностных конститутивов. Сам по себе вопрос остается формой корреляции для разметки концептуального поля взаимодействия, но сам он имеет место только в концептуальной размеченности обоих коррелятивно заданных конститутивов этого пространства. И останься он в этой форме, все последующие суждения имели бы вид самодетерминирующейся структуры — бытие есть, хотя и в неявном виде, но эксплицитно выразимо только при наличии конститутивных структур, и в первую очередь субъекта, сущее же имело бы существование, хотя и в крайне размытом смысле, но могло бы получить свою концептуальную размеченность только из бытия. И вместо того, чтобы принять это, оставив методологическую позицию для разметки концептуального поля исключительно специфической для каждого конститутива, Хайдеггер сливает обе эти структуры в едином пространстве, в том самом порочном круге. И из этого следует несколько важных выводов.

Во-первых, взаимная детерминация теряет свойство необходимой коррелятивной связи. Вместо этого у нас появляется целостное пространство артикуляции сущего и бытия как конститутивов этого самого пространства, данного во всем многообразии сущностных структур, нередуцируемых ни к одному полюсу этого пространства. Во-вторых, подобная структура задает новое основание для феноменологического ракурса философии. Методология не конституирует

27 Это особо примечательный момент — из простой методологической фигуры возникает концептуальная возможность обоснования самой области вопрошаемого. Подобный переход из коррелятивной интенциональности в способ схватывания модальностей как сущностных конститутивов предполагает разверстку старой диспозиции, образующей само поле онтологии — голос бытия, который должен быть услышан, но в какой форме? Это важный вопрос, особенно отчетливо заметный при размежевании с метафизикой — бытие как род или как общее не разрешает проблем. Это хорошо схватывает Делёз, разворачивая концептуальную позицию, важную для нас: «Всегда существовало только одно онтологическое предположение: Бытие однозначно ... Но от Парменида до Хайдеггера возникал тот же голос, эхо которого образовывало развертывание однозначного. Один голос создает гул бытия. Нам нетрудно понять, что Бытие, будучи абсолютно общим, не становится из-за этого родом; достаточно заменить модель суждения на модель предположения. Действительно, главное в однозначности — не то, что Бытие выражается одним-единственным смыслом. Главное, что оно выражается в одном и том же смысле во всех различиях индивидуации или присущих ей модальностях. Бытие одинаково во всех своих модальностях, но последние неодинаковы. Оно "равно" для всех, но сами они не равны. Оно выражается в них в одном смысле, но сами они не обладают одним смыслом» (Делёз Ж. Различие и повторение. С. 53–54).

концептуальность пространства, но схватывает его выразимость в определенных сущностных структурах. Но сама методология не выделяется из пространства²⁸, потому что эксплицируется только из концептуальной размеченности этого пространства. И наконец, это замыкает то пространство, которое мы рискнули бы назвать пространством имманентности. Признавая, что факт корреляции, не редуцируемый сам по себе до концептуально оформленной структуры, остается позицией трансцендентального, подобная слитность структур (трансцендентальных и трансцендентных) заставляет с необходимостью мыслить совпадение конститутивных структур и самих актов деятельности как естественное условие неотделимости бытия и сущего в едином концептуальном поле. Для нас больше нет права придавать субъекту некий исключительный статус²⁹, как стороннему наблюдателю или абсолютному выразителю чистой функции духовного, отныне сам субъект — не просто участник, частным образом принимающий определенную роль в конкретных операциях, извлеченных из общей конститутивной очерченности пространства, но и неотделимый конститутив целостного пространства взаимодействия между бытием и сущим.

Но вот что касается бытия — остается под большим вопросом. Как мы говорили в самом начале, оспаривать концептуальное наследие хайдеггеровской философии мы не вправе, а значит, и затрагивать статус бытия как трансцендентного-просто для нас непозволительно. Но в таком случае необходимо задаться вопросом: если бытие и является конститутивом исключительно трансцендентным, то в какой форме оно эксплицитно выразимо? Признавая онтологический приоритет и подчеркивая его концептуальную невыразимость или, как минимум, непроясненность, каким образом бытие и сущее сталкиваются в едином пространстве?

28 Ни о каком чистом трансцендентальном субъекте речи не идет, у нас есть лишь конститутивная коррелятивность, относительно которой можно гипостазировать нечто подобное, но при этом сам факт наличия этой коррелятивности будет предполагать, что подобная операция сама по себе будет являться лишь модальностью фундированной в едином пространстве корреляции, сам же субъект никогда не будет конституироваться за пределами круга.

29 Хотя с этим моментом связан отдельный вопрос, когда Хайдеггер вновь вернется чуть ли не к традиционному прочтению горизонта субъективности, данного в схватываемости экстатичных структур времени.

Вопрос о бытии

Несмотря на обеспокоенность по поводу предельной размытости бытия, сам Хайдеггер не стремится разрешить проблему доступным путем, хотя вопрос о конкретности бытия и эксплицитной выразимости его модусов обозначается с самого начала. И это понятно по многим причинам — методологически детерминированная позиция нейтральности, сменяющая ракурс с рассмотрения самого бытия на смысл бытия³⁰, принципиально меняет концептуальный статус конститутивных для поля исследования структур.

Но в связи с этим особо остро ставится закономерный вопрос, который поднимался и раньше и который самым сильным образом детерминирует направленность и характер хайдеггеровской философии: а какой характер имеет само бытие, бытие само по себе, не в спектре выявления конститутивных смыслообразующих коррелятов, а как само непосредственно бытийствующее. Ведь не просто так поднимаются вопросы о специфике методологических подходов к определению бытия и того концептуального поля, в котором оно находится, а подчеркнутая позиция онтологически фундированной трансцендентальности, которая конституирует пространство схваченности бытия, налагает определенные и весомые ограничения, при, казалось бы, наибольшей широте концептуальной охватываемости — собственно сам анализ бытия не может исходить из его имманентной структурной организованности, а концептуальная оформленность (насколько она вообще достижима) достигается только в порядке конститутивной очерченности пространства между бытием и сущим. Также и неотступно следующая за бытием ремарка «transcendens-просто» должна упрочить концептуально значимый момент выхода за пределы, но при этом разговор о бытии как сущностном конститутиве ведется только в рамках доступной охватываемости. О каком transcendens вообще можно говорить, если мы так никогда и не выходим за рамки коррелятивной схваченности сущего и бытия в едином пространстве взаимодействия, которое концептуально значимо и раскрываемо только в свете схваченности обоих полюсов, равно конститутивных для этого пространства. Впрочем, по этому поводу можно предъявить несколько возражений.

30 Или, иными словами, — с сущностного аспекта анализа на условия явленности самого изучаемого феномена, что, в общем и целом, выявляет другой важный момент: исходя из такой характеристики, становится понятно, почему Кант, несмотря на коренное различие по наиболее важному вопросу, все еще остается фигурой исключительно значимости для Хайдеггера.

В первую очередь, трансцендентность мы определили как необходимо конститутивный полюс пространства, для достижения которого и было необходимо онтологизирование именно что трансцендентальных коррелятов — прозрачный характер самой трансцендентальности позволяет выявлять модальности взаимодействия и конститутивные структуры с необычайной гибкостью, не опасаясь возможной редукции к чистой эмпиричности, которая могла бы их гипостазировать только в функциональном плане, или же к идеализированной статике удаленной метафизики, в которой сам аспект взаимодействия, столь необходимый для выявления самих возможностей эксплицирования бытия, свелся бы к простому выявлению структур, достижение которых стало бы целью субъекта. В связи с этим само требование *transcendens*, быть может, было необходимо для презервации исключительного статуса, который являлся бы единственно возможным способом эксплицирования бытийственного в рамках онтико-онтологической дифференциации, не приводя к спутыванию сущего (как экзистентно-онтического коррелята) и бытия (экзистенциально-онтологического)? Возможно, но опять же, вспомним начало — если проективный характер «Бытия и времени» и носит «только лишь» необходимость преднаброска горизонта возможного момента³¹ явленности самого бытия, то конститутивным для нас все равно будет коррелятивный момент взаимосвязи сущего и бытия, заданных в своей концептуальной спутанности. Речь ведь не идет о том, чтобы просто дать разметку структур, связанных с определенным полюсом взаимодействия, но показать, как эксплицитно эти структуры взаимодействуют таким образом, что конститутивную оформленность одной нельзя без остатка свести к другой и в установленной коррелятивной доступности выявить концептуальную связанность обоих. Не стой перед нами вопрос взаимодействия, притом в рамках одного пространства, мы могли бы все представить в виде извращенного параллелизма.

Но раз уж вопрос идет именно о связи сущего и бытия, хотя и с намеченной дифференцированностью структур, мы подходим ко второму моменту, гораздо более важному, чем непроясненный характер бытия — концептуально-методологическое основание слитости, раскрывающее специфический образ коррелятивной взаимосвязи, предполагает радикально иной способ выявления сущего и бытия. И это связано с предыдущим моментом — непроясненность бытия (несмотря на все возражения Хайдеггера против метафизики) является таким же значимым ходом, как

31 Места-времени, то есть событийности.

и «недопустимое» использование предвосхищения обоснования. Ведь, казалось бы, Хайдеггер совершает грандиозную ошибку — позитивная аффирмативность трансцендентности бытия определялась бы только негативно, как не-сущее, содержательная организованность которого была бы по определению для нас недоступна. Проблема бы выявлялась, как недопустимое преимущество — сделанный шаг вперед с необходимостью продолжал бы подчеркивать статус бытия, как трансцендентного, отказывающегося удостоверить свою сущность в виде какой бы то ни было оформленности, и который лишь вталкивал бы нас в недра еще более глубокой метафизики, не позволяя исследовать его строго исходя из принципов методологической направленности. То есть вместо того, чтобы оказаться в «доме бытия», мы вновь, казалось бы, должны мелкими шагами прощупывать новое пространство, в котором ориентиров у нас пока нет.

Но именно здесь и начинает проявляться тот момент конституирования пространственной организованности имманентного как полноценной характеристики самой сути взаимодействия, где бытие начинает свою трансформацию, несмотря на все сопротивления Хайдеггера. Ведь за той критикой, с которой Хайдеггер обрушивается на традиционные взгляды, весьма обоснованно и убедительно дезавуируя неоправданную забытость, или, даже точнее, чрезмерную размытость бытия, имплицитно следует вывод о недопустимости травестирования бытия как сущего³², и в первую очередь, как сущего трансцендентного. Этот тезис является определяющим³³, но при условии его принятия, что сделать легко, одновременно

32 «Таким образом, для Хайдеггера речь идет о том, чтобы, следуя затерявшейся в лесу традиции дороге, заставить понять, что коли вся философия является ответом на этот призыв, она заблуждается даже тогда, когда о нем свидетельствует. Сбившаяся с пути из-за приманки, заключающейся в том, что бытие всего сущего может означаться и обозначаться, что ему можно ответить, лишь превратив его в некое высшее сущее. И что тем самым мы стираем невзгоды мысли, инстанцируя ее на чем-то. Что мы заглушаем ее жалобы и развеиваем заботы. Что определяем то, что не имеет ни определения, ни предела. *Травестируем Абсолют, представляя его на сцене представимого, согласно форме и понятию*» (Лиотар Ж-Ф. Хайдеггер и евреи. С. 91). Но еще интереснее здесь следующие слова: «Неизбежная приманка, (на)званная онтико-онтологическим различием. Как трансцендентальная иллюзия — неминуемая западня. Но задача мысли и состоит в том, чтобы деконструировать приманку, принудить ее к защите или отступлению, одновременно и без конца откладывая ее на будущее и на прошлое» (там же).

33 Хотя и влечет за собой ряд проблем — принципиальная нерепрезентативность и, как следствие, невозможность критики в понятийной форме, что, впрочем, является следствием концептуальной позиции Хайдеггера, где мышление, не как модус существования, но как имманентная черта самого пространства, идет дальше концептов, по крайней мере тех, которые ведут к статичности мысли, переходя в строго понятийную форму.

выявляются две стратегии мышления. Мы либо отказываемся от попытки концептуальной схватываемости бытия вообще, предоставляя решение вопроса на откуп мистической скрытости, которая, на первый взгляд, окружает всю философию Хайдеггера. Либо же мы стремимся наметить такую концептуальную позицию, которая открывала бы горизонт эксплицирования бытия, без претензий на то, чтобы задвинуть бытие в какие-то рамки, что, как понятно, и является выбранной линией мышления Хайдеггера. В конце концов, Хайдеггер ведь начинает с малого и весьма парадоксального для своей критической позиции хода — смутная понятливость бытия становится условием его явленности для нас. Дальнейший ход мы уже выяснили — из интенциональной коррелятивности мы переходим в пространство артикуляции герменевтического круга.

И уже здесь, поднимая вопрос о статусе бытия, его характер трансформируется настолько, что не остается и возможности говорить о нем иначе, как о концептуальном принципе организации пространства взаимодействия³⁴, впрочем, без того, чтобы утверждать, что сущее просто впадает в бытие. Мы оказались ограничены рамками определенного пространства, и вопрос становится тем серьезней — раз уж бытие и не сущее, не конституируется как объект, а его концептуальная различимость как конститутивного принципа все еще остается предельно размытой, то можем ли мы утверждать, что бытие является генуинным, или скорее даже, примордиальным, конститутивом, короче говоря, тем, что является исключительным в силу первичности и значимости? И да, и нет — если для Хайдеггера смутность и остается претензией на сохранение трансцендентности, а значит и исключительности самого бытия, то мы скорее склонны представить эту смутность как концептуальное условие самой организации пространства — бытие так или иначе связано рамками трансцендентальной корреляции, которая является основанием гипостазирования отдельно бытия и сущего, которые только и должны впервые дать раскрыться друг другу в обозначенном пространстве.

И вот здесь мы должны окончательно поставить точку в вопросе о статусе бытия как такового. Взятое в аспекте той концептуальной основы, которую пытается подогнать сам Хайдеггер, бытие, взятое само по себе, остается таким же смутным, как оно и было до него. Но вот как концептуальный принцип смутность бытия

34 Как видно, травестирования полностью избежать нельзя, но для нас это представляется единственным видимым разрешением пресловутой проблемы.

предполагает распыленность по всему пространству взаимодействия, позволяя обозначить не только структуру, данную в организованности конкретных конститутивов, но весь сущностный спектр возможных модальностей бытия, которые могут быть эксплицитно выявлены в горизонте очерченного пространства. При этом бытие никогда не оказывается схвачено само по себе, каждый раз, как бытие является, как конститутив самой своей феноменальной данности (как то, что себя-само-по-себе кажется), нам не остается права говорить о нем иначе, как об онтологическом корреляте сцепленного (переплетенного, но различного) бытия сущего/сущего в бытии. Однако установленный запрет, *transcendens*-просто, все еще вызывает к необходимости выхода, шага даже дальше, чем предполагают инстанцированные в трансцендентальном корреляты, должно привести за пределы коррелятивности. Но на деле выходит несколько сложнее. Мы не будем вновь вдаваться в вопросы взаимной детерминированности бытия и сущего. Лишь напомним о четкой оговоренности, поставленной самой позицией методологически-концептуальной скрепленности. Мы мыслим только в пределах герменевтического круга, и из этого пространства истолкованности ничего не выносится. Ни о какой-либо трансцендентальной чистоте — субъекта или объекта, — ни о какой-либо редукции или эпохэ речи не идет. Коль скоро мы признаем это пространство толкования конститутивным, мы должны работать с теми правилами и той логикой, которая является имманентной для самого пространства, из которого мы удалиться не можем. Но все же не дающий покоя вопрос о бытии просвечивает через границы — может ли бытие быть за пределами конститутивной для пространства корреляции или никогда не может мыслиться в обход онтического? Этот вопрос, который должен был разрешиться на страницах «Бытия и времени», повисает в воздухе — этим вопросом хайдеггеровский проект обрывается, что дает основания полагать, что ответ на вопрос является отрицательным. На это есть много причин, но главнейшей является позиция самого Хайдеггера — на место смутной неразличимости бытия, против которой он так отчаянно боролся, приходит лишь смутная понятливость бытия, пытающаяся увязать слишком много позиций одновременно. Из этого Хайдеггер извлекает определенные преимущества, но в равной степени несет и убытки — этот момент уязвимости позволяет говорить, что если бытие и является конститутивом пространства в роли концептуального принципа³⁵, то точно всегда в связке с сущим.

35 Хотя вопрос о сущности бытия всегда будет открытым.

Вопрос о сущем

В то время как само-по-себе бытие, не взятое как экзистенциал, остается в потемках, хотя и эксплицируется в качестве концептуального принципа, то сущее, наоборот, стремится к воплощению конкретности, и притом не в плане субстанциональной оформленности, а как точка предельной локализации доступных модальностей бытия как концептуального принципа, удерживая в то же время невозможность редукции бытия до формального способа выражения функциональных возможностей. Что весьма удивительно: сущее, за которым закреплена вроде как презрительная область онтического³⁶, становится более основательным проводником на пути конституирования сущностно значимых структур, но каким образом?

Сущее становится принципиальной точкой артикуляции на пути концептуальной обоснованности установленного нами пространства. При этом, что является важным и чуть ли не решающим моментом³⁷, оно не является предельным минимумом или структурной возможностью обоснования онтико-онтологической дифференциации. Если мы и говорим о пересеченности бытия и сущего в едином пространстве, то не в плане их комплементарной структурированности или же их контекстуально организованной функциональности аспектов реализации. В этом случае перед нами стояла бы очередная итерация наиболее пошлого варианта идеализма, и значимость онтологии испарилась бы на глазах.

Именно здесь и появляется необходимость обоснования единой концептуальной логики пространства, конститутивная организованность которого определяется двумя коррелятивными структурами, каждая из которых не является высшим или низшим принципом организации другой — в пределе возможной допустимости мы говорим лишь о том, что имманентная логика каждого конститутива по отдельности не является

36 Которая, впрочем, не избегает анализа со стороны Хайдеггера, причем анализа более чем досконального, что является, с одной стороны, следствием возможного рассмотрения структуры субъектности, а с другой — определяет диспозицию в пределах наиболее важной точки пространства взаимодействия, как имманентной — не связанной со статусностью трансцендентности, исходя из самой логики конституирования — оформленности коррелятов онтического и онтологического, данных в аспекте предельной взаимосвязи, где именно последнее является наиболее важным — это область, в которой одновременно важным является и принцип дифференциации структур, и аспект сущностной целостности связей и коррелятов, идущих «промеж» концептуальной очерченности конститутивных структур.

37 Ведь мы все еще должны находиться в пределах выявленной Хайдеггером концептуальной размеченности — приоритет ни за сущим, ни за бытием, концептуальная логика конститутивных структур остается равнозначимой.

открытой нам вполне, но говорить о том, что бытие эмануирует или является высшим и исключительным принципом сущего, мы не вправе. Как мы уже замечали до этого, речь идет скорее о взаимной концептуальной обоснованности, в пространстве — или, скорее даже, просвете — выявления и того, и другого конститутива в аспекте коррелятивной взаимосвязи, организующей возможность концептуальной соотносимости, то есть, по сути, мы движемся в направлении разметки двух пространств, концептуально зависимых от определенной детерминации — бытия и сущего, — которые сталкиваются лицом к лицу³⁸ в едином поле трансцендентальной коррелятивности, и из этого столкновения *vis-a-vis* мы и должны пытаться вычленим имманентную логику, лежащую в основе конституирования пространства как всякой возможности гипотазирования структурных оснований вообще. Преимущество остается ни за тем, и ни за другим, но если бытие на правах принципа в попытке концептуализации остается смутным (само-по-себе оно так и не кажется), то в аспекте выявления структурной обоснованности целостного феномена (смысл-бытия-для-сущего-в-бытии, который в пространственной топологии выявляется как бытие-в-мире), остается средством артикуляции, сущее, для которого эта артикуляция имеет место, обретает полную конкретность.

Здесь, опять же, для нас возникает опасный момент, соблазн редуцировать бытие, взятое как концептуальный принцип, до функционального аспекта реализации сущего. Почему это не так, мы рассмотрим дальше, а пока остановимся на не менее важном аспекте — само сущее, взятое в нашем представлении как локализованная точка артикуляции модальностей бытия, является не просто узлом пересечения векторов этой артикуляции или функциональной возможностью реализации самого бытия. Даже если это и является понятным, нужно оговорить этот момент еще раз, предельно точно расставив акценты.

Взятое в таком понимании, сущее, артикулированное в пространственной организованности смысла бытия, было бы старым пониманием субъекта как той

38 Опять же, никакой голой фактической эмпиричности здесь нет и быть не может — в таком случае нам пришлось бы принять как факт возможность предельной редукции какого-либо из этих двух полей к другому для выявления самой возможности его детерминации, но допустить это значило бы поступиться главнейшим принципом — невозможностью исследования самой концептуальной организованности бытия или сущего вне пределов их коррелятивной взаимосвязи, сам вопрос должен стоять не о выявлении их структурной оформленности, но о выявлении концептуальной логики их пространственной соотнесенности, которая является здесь наиболее интересной и наиболее важной.

фундаментальной структуры, которая обладала бы предельной властью над самой возможностью эксплицитной выразимости бытия, взятого как гипостазированный коррелят самого субъекта. При всем внимании Хайдеггера к Дазайн, сам факт схождения структур является не просто игрой смыслов, не просто голой возможностью всесильного субъекта. Достигая предельной размеченности конститутивов онтической соотнесенности, бытие не полагается просто комплементарной структурой, но выражает саму возможность концептуальной высвеченности сущего как такового. Даже взятое как концептуальный принцип пространства, оно никогда не достигает того положения, при котором мы могли бы сказать, что оно является просто гипостазированной возможностью артикуляции субъекта самого по себе. Даже сущее, взятое во всей его конкретике, что достигается только в порядке коррелятивной соотнесенности конституирующих пространство структур, мы могли бы представить как принцип, голую возможность эксплицитной выразимости самого бытия, находящегося в точке предельной концентрации. Именно подобная взаимообратимость является тем условием, при котором мы не вправе представлять ни субъекта всесильным, ни даже само бытие. Углубляясь в логику конституирования того или иного, мы могли бы оказаться в ситуации возможного гипостазирования. Но та коррелятивная соотнесенность, которая здесь полагается как сущностный конститутив, является имманентной самому пространству³⁹, которое раскрывается именно на стыке той возможности гипостазирования относительно конститутивов этого пространства, где точка соприкосновения, или скорее конкретный локус, не является только виртуальным или идеальным, но выражает предельную возможность встречи, событийность в прямом понимании, так что оба принципа не редуцируются один к другому.

Теперь же вернемся к самому сущему. Как мы упомянули, для сущего бытие не является просто функциональной возможностью собственной реализации, и мы постараемся понять, почему. Сущностный момент артикуляции, который мы представляем как само условие наибольшей конкретности сущего, достигается специфическим образом. Если мы предполагаем, что сущностный аспект самого сущего для нас остается непроясненным⁴⁰, нам остается только возможность перевести

39 Пространству, несомненно, трансцендентальному, но выявленному как концептуальный принцип соотнесенности.

40 А он таковым остается для нас всегда, как мы это могли уже понять, ведь если имманентная логика конституирования конкретного отдельно гипостазированного пространства остается от нас отдаленной, то сущностный аспект мы могли бы выявить только в условиях схваченности

взгляд на «функциональный» аспект экспликации, который должен вести нас к наиболее устойчивому средству конституирования сущего. И если такое формальное условие позволяет нам привести к методологически твердой почве основные средства нашего исследования, то Хайдеггер вновь использует это как основное концептуальное преимущество — «функциональный» аспект реализации сущего, то есть весь спектр модальностей и коррелятов его существования, становится его сущностной характеристикой. Мотив слияния позволяет не только добиться наибольшей конкретности, но и решить, впрочем, с рядом оговорок, ту проблему, которая каждый раз возникала в поисках детерминации сущего в его существовании.

Хайдеггер и сам затрагивает эту проблему — декартово *cogito ergo sum* страдает от непроработанности темы существующего, и разрешение этой проблемы является вообще основой для исследования онтологически конститутивных структур, без того, чтобы изгонять их либо в пространство фактической эмпирии (редуцируя их тем самым до материальных субстанций и атрибутов), либо в пространство субъективной спекуляции (оставляя в потемках само бытие, редуцированное до предельно смутного принципа). В известной формуле выявляется ряд проблем — если мы признаем, что мышление как первоначальный конститутив является возможностью детерминации существования, то невыясненным оказывается статус существования самого мышления — в каком смысле он детерминирует существование, понятно, но каким образом этот методологический ход применим к концептуальной обоснованности самого мышления, мы выяснить не можем — само мышление постоянно будет «отставать» от собственной концептуализации как существующего. Если же мы теперь инвертируем цепь рассуждений и представим существование (даже суть непроясненное, но действительное) в качестве первичного принципа, то окажемся в принципиально других условиях — мышление, взятое как модальность самого существования, может быть концептуальным принципом детерминации и существования вообще, и авто-рекурсивным принципом собственного существования, в обоснованности которого нельзя сомневаться. Эти две принципиально разных стратегии приводят к разным выводам — у Декарта появляются две субстанции⁴¹, в то время как Хайдеггер, для которого само понятие субстанции целостного феномена бытия-сущего, однако и в таком случае пришлось бы гадать, является ли исчерпывающей для описания сущего эта возможность или нет.

41 И именно этот ход выявляет всю последующую парадигму мышления западной философии — выделяется два принципиально разных пространства, каждое из которых обладает собственной логикой устройства и принципом каузальной связи, что, в свою очередь,

является если уж и не ругательным, то как минимум бессмысленным, стремится остаться на позиции нейтральной соотнесенности, в положении между двумя полюсами детерминации — конституитивность сущего как существующего одновременно скрепляет функциональный и сущностный аспект, разрешая проблему детерминации⁴², и одновременно с этим открывает возможность обоснования иным (и иного) — сущее концептуально выявимо только в пространстве соотнесенности с бытием, иначе оно лишь мертвая субстанция.

С этим связан еще один важный момент — вопрос о реальности или актуальности существования. Вопрос, казалось бы, легко разрешимый в рамках хайдеггеровской философии, но на деле, опять же, все не так просто. Когда Хайдеггер говорит о конституировании целостного феномена бытия-в-мире, мы сразу же оказываемся в пространстве действительных связей, концептуально организующих систему взаимодействия бытия и сущего в их явленности и открытости. Но возможный предел реализации подвергается важнейшей акцентуации — заявление о «возможности выше действительности»⁴³ является не просто оговоркой, но кладется в основу самой функциональной реализации эксплицитной выразимости сущего в бытии⁴⁴. Каким же образом действительно работает эта «ремарка»?

Характер этой акцентуации предельно важен — сущностный момент реализации, как конституитивный механизм коррелятивно очерченного взаимодействия, никогда не реализуется как должествующая необходимость, наделенная

детерминирует как невозможность полной редукции одного к другому — сам Декарт весьма искусственным образом пытался разрешить эту проблему, — так и возможность гипостазирования одного пространства коррелятивно другому. Только с Кантом проблема нивелируется, хотя и не снимается вполне, но сам акцент на трансцендентальном обозначит переход к иному пространству и иному способу конституирования коррелятивной соотнесенности.

42 А вместе с тем и возможность концептуальной обоснованности действительного и конкретного существования вовне — мышление, как модальность, не является теперь «отстающим», находящимся всегда позади самого существования для того, чтобы всегда обеспечивать самую его возможность, но наоборот, всегда находится уже здесь и сейчас, вперед самого себя, как суть модальность существования, неотделимая от бытия-в-мире, пространства взаимодействия *par excellence*.

43 «Выше действительности стоит возможность» (Хайдеггер М. Бытие и время. С. 38).

44 И хотя применяется она в отношении самого статуса феноменологии как онтологического метода, в первую очередь это имеет значения для самого проекта Хайдеггера, при экстраполировании этого замечания на содержание самой книги.

онтологическим преимуществом. Дазайн всегда набрасывается на свои возможности, он их находит и может всегда утратить. Необходимость самой возможности является условием онтологической детерминированности самого пространства взаимодействия, но когда речь заходит об актуализации сущностных механизмов, конституирующих для функциональной реализации, мы всегда балансируем на пределе самой возможности — возможности концептуального выявления самой необходимости.

Вернемся к тезису, который постоянно упоминается нами — в условиях концептуальной размеченности пространства, которое конституируется только посредством необходимой взаимной детерминации бытия и сущего, данных как онтико-онтологические корреляты общей направленности трансцендентального, исследование имманентной логики конституирования этих структур оказывается невозможным, в отличие от имманентной логики того пространства, которое является конституирующим для концептуальной выявленности их обоих. В этих обстоятельствах само условие возможности как действительной черты, имманентной самому пространству, ставится выше необходимости, как концептуальный принцип выявления онтологической очерченности самого пространства и той точки контракции, которая выявима в коррелятивной схваченности сущего и бытия. Условие выявления самой структурной организованности пространства, удаляться из которого мы не имеем никакой возможности (вспомним тезис о слиянии методологии и самой концептуальной области исследования), с необходимостью презервирует возможность выявление «скрытого» как концептуального принципа самого пространства, но не как возможной модальности бытия или сущего. Речь идет не об актуализации возможного, приводящегося в действие самим движением бытия или сущего, но о возможной границе охвата структурных оснований, имплицитно зависящих от концептуальной организованности уже выявленного, но которые пока еще находятся вне ракурса горизонта рассмотрения. Мы не вправе говорить о какой-то «затемненной трансценденции», которая снисходит до выявленных границ пространства, но и в полноценном смысле слова речь не идет о досконалий имманентности как концептуальной возможности охвата всех сущностных структур⁴⁵. Очерченный ракурс горизонта, в который возможное, как скрытое, еще не входит, предполагает иное — голая возможность (виртуальная или нет — не важно) является таким концептуальным

45 Это было бы невозможно просто в силу специфики установленной коррелятивности, иначе нам пришлось бы дать исчерпывающее описание любой возможной модальности существования.

принципом, который детерминирует условие явленности, не редуцируемое ни к бытию, ни к сущему, но которое концептуально организывает возможность их соотносительности в пространстве вообще, таким образом, что ни один конститутив не удален от другого, но при этом не дает возможность его исчерпывающей схваченности и познания — самое условие возможности ставит ребром вопрос о демаркации трансцендентного и имманентного, таким образом, что их неразличимость становится наиболее глубоким и фундаментальным принципом конституирования пространства взаимодействия.

Возможность — не снисхождение чего-то высшего, но возможность — это и не просто актуализация какого-то принципа, который концептуально нам уже известен, хотя еще и не раскрыт. Мы разворачиваем модальность нашего горизонта, а значит, и условий взаимодействия, в иную плоскость, и трансцендентальность играет нам здесь на руку, позволяя оставаться в чертах нейтральности, но только до одного момента: раз возможность — это само условие явленности, которое не зависит ни от каких внешних принципов, и именно благодаря ему переходит сокрытое в уже высвеченное, то его основание находится только в пределах пространства, конститутивного для бытия и сущего.

В то же время и само бытие с сущим не низводятся в статус пассивных структур, только ожидающих возможности своей актуализации в условиях открытости возможного. Нет, речь идет о другом — о невозможности изгнания за горизонт видимости самого принципа, лишь бы инстанцировать его вне пределов досягаемости. Таким образом достигается открытость (разомкнутость) бесконечного пространства, в котором сама возможность выявления, как выведения на свет, будет являться степенью интенсивности экспликации действительности.

И это тоже задает новый ракурс для всего поля исследований: мы уже условились не говорить о нарушении баланса детерминирующего основания — мы не можем говорить о детерминировании сущего через бытие, или бытия через сущее, только о выявлении коррелятивной схваченности обоих в едином пространстве, — и понятие возможного горизонта охваченности только упрочает тезис о гениальной конститутивности самого пространства как такового, где слом хрупкого баланса между объективным и субъективным грозит обернуться извращением предельно точной позиции. Средство объективации сущего — признание его как исключительно трансцендентного, средство субъективации — инстанцирование как коррелята

мышления чистого субъекта — оба недопустимы, так как направлены на слом установки о недопустимости выделения методологии из концептуального поля. Взамен этого, если мы признаем генуинность самого пространства, перед нами открывается новый горизонт — пространство исключительной свободы, не как средство претензии на исключительное право детерминации, но как условие схваченности взаимодействия бытия и сущего.

Заключение

Рассмотренные нами возможные подходы к выявлению имманентности как концептуального принципа, детерминирующего специфику эксплицирования сущностных конститутивов функционального поля взаимодействия, разумеется, не исчерпывают возможных подходов к анализу философии Хайдеггера, и разумеется, мы признаем, что стратегия, которой мы руководствовались в нашем случае, выражает лишь частный способ, допустимый при интерпретации столь специфической и комплексной философии. Однако мы выражаем надежду, что подобный аналитический подход позволит расширить концептуальные средства и методы исследования философских оснований любой теоретической выкладки, и в первую очередь связанной с применением понятий, которые если и не полностью выходят за пределы структурных оппозиций имманентного или трансцендентного, то в значительной степени пытаются абстрагироваться от подобной формализации.

Не переставая повторять, что концепт имманентности слабо применим в строгом смысле к хайдеггерианской философии, попытка выявить те концептуальные основания, которые способны продемонстрировать возможность функционирования основных понятий и структурных элементов целостной философской системы, в тех обстоятельствах и в тех условиях, которые кажутся к ней не применимыми, позволяет проследить процесс генезиса новых, до того скрытых возможностей, имплицитно присутствующих в организации системы, но оказывающихся в стороне от нашего внимания, занятого использованием устоявшихся определений и вытекающих из этого возможностей трактовки.

Литература

- Адорно Т. В. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е. Л. Петренко. — М.: Академический Проект, 2011. — 538 с. (Философские технологии.)
- Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с франц. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
- Делёз Ж. Что такое [об]основывать? Часть 2. [Электронный ресурс] — https://vk.com/@p_f_r_a_n_c_a_i_s-cto-takoe-obosnovyvat-chast-ii.
- Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: Трудная свобода / Пер. с франц. Г. В. Вдовиной, Н. Б. Маньковской, А. В. Ямпольской — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 752 с. (Серия «Книга света».)
- Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / Пер. с франц., послесл. и прим. В. Е. Лапицкого. — СПб.: Аксиома, 2001. — 187 с. (XX век. Критическая библиотека.)
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева [и др.] — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — 416 с.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Биbihина. — 5-е изд. — М.: Академический проект, 2015. — 460 с. (Философские технологии.)
- Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) [Текст]/ пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. — 528 с.

References

- Adorno T. W. Negativnaya Dialektika [Negative Dialectic], trans. by E. Petrenko. Moscow: Akademicheskii Project, 2011, 538 p. (In Russian.)
- Deleuze G. Razlicheye I povtoreniye [Difference and repetition], trans. by N. Man'kovskaya and Yourovskaya. Saint-Petersburg: TOO TK «Petropolis», 1998, 384 p. (In Russian.)
- Deleuze G. Chto takoye ob]osnovyvat'? Chast' 2. [What is justification?] — URL: https://vk.com/@p_f_r_a_n_c_a_i_s-cto-takoe-obosnovyvat-chast-ii.
- Levinas E. Otkryvaya sushestvovanye c Gusserlem I Haideggerom [Discovering existence with Husserl and Heidegger]. Izbranoye: Trydnaya svoboda, trans. by Vdovina, Man'kovskaya, Yampolskaya, Moscow: «Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia» (ROSSPEN), 2004, 752 p.
- Liota J.-F. Haidegger I «Evrei» [Heidegger and «the Jews»], trans. by V. Lapitskiy. Saint-Petersburg: Axioma, 2001, 187 p.
- Habermas J. Filosofskiy discours o modern [Philosophical discourse of modernity], trans. by Belyaev (and others). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003, 416 p.

Heidegger M. Bytie I Vremya [Being and time], trans. by V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii Project, 2015, 460 p.

Heidegger M. Razmyslenia VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939) [Black notebooks 1938–1939], trans. by A. Grigoryev. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2018, 528 p.

Immanence in «Being and time»

Kadoshnikov I. A.,
SAUH, Ivan1998Kadoshnikov@gmail.com

Abstract: The purpose of this article is to lay out an attempt to analyze the concept of immanence in the famous work of Martin Heidegger «Being and time». Undoubtedly, as we will remind throughout the entire work, the very concept of immanence, taken in the strictest sense of the word, cannot be applied to the philosophical calculations of Heideggerian philosophy without, in one way or another, changing the very essential foundations of his philosophy. However, our analysis is aimed, without touching on these grounds, to trace a possible way to clarify those conceptual premises that could reveal, albeit not in an explicit form, the inner structure of Heidegger's philosophical project, or, to be more precise, the way by which within the textual structure itself (and, accordingly, the conceptual and terminological structure), the process of the internal genesis of the immanent space takes place, expressed in the correlative organization of essential constituents, which have the decisive importance both for Heidegger and for our project — being and entity.

Keywords: immanence, Heidegger, ontology, «Being and time», being, entity, correlation.